

Чвырь Нина Владимировна
Исторические представления болгар-католиков
XVII-XVIII вв. (в контексте формирования национального
самосознания южнославянских народов)
Автореферат диссертации на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Актуальность и предмет исследования

Проблема влияния исторических представлений на формирование этнического (национального) самосознания и, соответственно, на процессы складывания наций в последние десятилетия привлекает внимание представителей разных гуманитарных дисциплин. Роль исторического сознания в выработке национальной идеологии у славян отмечалась многими исследователями. В отношении болгар эта взаимосвязь неоднократно подчеркивалась в связи с сочинением Паисия Хилендарского "История славяноболгарска" в процессе формирования болгарского национального сознания. Однако обычно речь шла преимущественно о самосознании болгарского православного большинства, тогда как историческое сознание католической части болгарского народа XVII-XVIII вв. практически не рассматривалось. Основная причина - малочисленность (примерно 1% от общей численности болгар) и изолированность этой этноконфессиональной общности. Тем не менее, признанная в последнее время научным сообществом парадигма исследования "единичного и маргинального", основывающаяся на важности интеграции микро и макроподходов при изучении прошлого, объясняет внимание автора к заявленной теме диссертационной работы и повышает ее научную актуальность.

Принято считать, что болгары-католики не оказали значительного влияния на развитие национальной болгарской культуры и формирование национального самосознания, т. к. объективно не были включены в процессы социально-экономического развития болгарского сообщества, а также и в субъективном отношении не воспринимались православным большинством как часть собственной этнической общности. Последнее связано с усилением конфессионального компонента в этническом самосознании

болгарского народа, в связи с чем, болгарам считались лишь православные по вере. Вместе с тем подобное совмещение этнического и конфессионального элемента в болгарском самосознании не помешало болгарам-католикам с течением времени выделиться в отдельный субэтнос (И.Ф. Макарова) и сохранить свою общность вплоть до современности как на территории Болгарии, так и в Румынии (Трансильвании и Банате), куда эмигрировала значительная часть болгар-католиков после подавления поднятого ими в 1688 г. Чипровецкого восстания. Указанные обстоятельства актуализируют вопрос об этническом самосознании болгар-католиков, развитие которого происходило в условиях формирования в XVIII в. национального самосознания южнославянских народов (сербов и хорватов), населявших Австрийскую империю. Этот вопрос является неотъемлемой частью актуальной для болгарского общества проблемы существования болгарского этнического сообщества в инокультурной среде западноевропейской цивилизации.

Этническое самосознание большинства болгар в XVII-XVIII вв. отличалось значительной конфессионализацией: православие было важной составляющей болгарской идентичности. Одновременно с этим современная историография констатирует развитое и четкое этническое самосознание болгар-католиков. Однако вне рассмотрения вопроса о соотношении конфессионального и этнического компонента в сознании болгар-католиков подобное утверждение выглядит мало аргументированным. В интересах объективности необходимо продолжить исследование этой проблемы, обращая внимание на те аспекты, которые до сих пор проанализированы явно недостаточно. Одним из таких направлений является изучение исторического сознания болгар-католиков в XVII-XVIII вв. Таким образом, исследуемые в диссертации вопросы являются частью обширной проблемы этнического/национального самосознания народов, (в том числе болгарского, в частности болгаро-католического субэтнуса), особо актуальной в современных условиях нарастающей глобализации.

Объект исследования - историческое сознание болгар-католиков XVII-XVIII вв. Предметом данного исследования являются исторические представления болгар-католиков, рассматриваемые с одной стороны, как проявление их этнического самосознания, а с другой стороны, как фактор его формирования.

Источники

Источниковую базу диссертации составляют латиноязычные исторические сочинения болгар-католиков XVII-XVIII вв. (П. Богдана (Бакшева), Б. Клайнера, Ф.-К. Пеячевича), что обусловлено скудостью и недоступностью иных письменных памятников,

относящихся к культуре болгар-католиков указанного периода.

Дошедшие до нас исторические работы софийского епископа Петра Богдана (Бакшева) (1601-1674 гг.) являются составной частью его отчетов, адресованных Римской курии. Большая часть из них была введена в научный оборот и кратко охарактеризована болгарским ученым И. Дуйчевым. Исторические экскурсии П. Богдана, как правило, были инспирированы его католическим начальством, желавшим иметь информацию о прошлом и современном состоянии болгарского населения. Этим можно объяснить возникновение таких текстов как "Описание царства Болгарии" (1640), "История Охрида" и "История Сербии и Призренской епископии" (1655 г.), "История Софии" (1653, 1658, 1663 гг.).

Конъюнктурность этих трудов, на наш взгляд, в значительной степени проявляется в прозрачности преследуемых П. Богданом целей. Он стремится продемонстрировать свое преимущество как католического епископа Софии перед софийским греческим митрополитом и представить себя единственным полноправным представителем болгарского народа. В связи с этим в "Истории Софии" основной акцент делается на истории Софийской католической архиепископии, предстающей своеобразным символом Болгарии. Наряду с этим в диссертации используется его сочинение "Когда и как маркомани (Моравы) приняли Христову веру" (1640 г.) и четыре уцелевшие главы объемного труда "История Болгарии" (1667 г.), посвященного истории болгарского государства и распространения католицизма в Болгарии.

Перу другого католического автора, настоятеля болгарской францисканской провинции г. Алвинца (Румыния) Блазиуса Клайнера принадлежит сочинение "Archivium Tripartitum". В его первой части (впервые опубликованной в 1971 г. И. Дуйчевым и К. Телбизовым) изложена история Болгарии до османского завоевания. Вторая и третья часть труда (найденные и опубликованные в 1999 г.) содержат сведения о распространении болгарской францисканской кустодии на территории Болгарии и Румынии с 1366 до 1775 г. Обратившись к истории болгарской францисканской провинции по собственному желанию еще в 1761 г., Б. Клайнер периодически к ней возвращался. Однако импульсом к ее скорейшему завершению послужила энциклика главы францисканского ордена, призывавшая отдельные провинции написать собственную историю, и к 1775 г. труд был окончен. Вторая и третья части "Архива", как и сочинения П. Богдана, представляли интерес преимущественно для Римской курии, т. к. касались развития организации францисканского ордена на территории Болгарии и Румынии. В то время как первая часть трактата, "История Болгарии", была написана скорее для паствы Б. Клайнера, болгарских беженцев, желавших знать историю своей родины.

Для решения задач диссертационного исследования большое значение имеет сочинение Франциска-Ксаверия Пеячевича (1707-1781 гг.) "История Сербии". Его автор, племянник предводителя Чипровецкого восстания 1688 г. Георгия Пеячевича, родился и получил образование уже в Австрийской монархии. Вступив в орден иезуитов, Ф. К. Пеячевич вскоре занял руководящие посты, как в структуре ордена, так и в университетах Загреба, Любляны и Линца. "История Сербии" написана в форме диалога Болгарина и Сербя и состоит из тринадцати "разговоров", в одиннадцати из которых рассматривается история сербского государства в хронологическом порядке от VII и до XV вв., а два последних, тематических, "разговора" посвящены истории Боснии и истории сербской церкви. Трактат, обращенный к австрийским сербам православного вероисповедания, был написан в 1775-1776 гг. в рамках проводившейся среди австрийских сербов активной униатской пропаганды, и поэтому он имеет ярко выраженное конфессионально-полемическое содержание. Поводом к его появлению стали волнения православных сербов в связи с осуществленной Веней реформой сербского православного календаря, предусматривавшей упразднение ряда праздников, посвященных сербским святым (в основном, относившихся к средневековой династии Неманичей). Несмотря на то, что "История Сербии" Ф. К. Пеячевича издавалась после смерти автора дважды (в 1797 и 1799 г.), до ее "открытия" Б. Пейчевым в 1968 г. она была неизвестна отечественной и болгарской научной общественности и даже считалась утерянной (хотя в югославской историографии этот источник был охарактеризован известным ученым Н. Радойчичем уже в 1930 г.). Исследователи редко обращались к данному памятнику, точнее к нескольким страницам, переведенным Б. Пейчевым на болгарский язык. Автор диссертации впервые перевела с латинского языка "Историю Сербии" целиком (440 страниц), используя для этого микрофильм экземпляра, хранящегося в государственной библиотеке им. Л. Сечени (Будапешт, Венгрия).

Охарактеризованные исторические сочинения болгар-католиков дают возможность проанализировать комплекс представлений о прошлом, включающий взгляды конкретного историка на различные исторические сюжеты в их взаимосвязи. Авторский характер исторического сочинения в определенной степени ограничивает исследователя в широте формулируемых выводов, однако, позволяет в ряде случаев проследить процесс формирования того или иного исторического суждения в контексте определенной культурной традиции и общественно-политической ситуации. Поскольку адекватная оценка специфики исторических воззрений болгар-католиков возможна лишь при их сопоставлении с подобными представлениями православных болгар, в диссертации предпринят анализ общих сюжетов из истории Болгарии, что позволяет выявить различие их трактовок болгарскими католическими и православными авторами. С этой целью в качестве дополнительных источников в диссертации рассматривались сочинения Паисия Хилендарского, иеросхимонаха Спиридона, Зографская история. При аналогичном анализе "Истории Сербии" для сравнения были привлечены труды сербских православных историков Йована Раича, Павла Юлинца, Иосифа Тривошского и др.

Степень изученности темы

Несмотря на то, что основная часть анализируемых источников уже давно была введена в научный оборот (за исключением "Истории Сербии" Ф.-К. Пеячевича), целостного исследования сущности и своеобразия исторической мысли болгар-католиков предпринято не было. Определенные результаты были достигнуты в изучении исторических воззрений лишь отдельных авторов. Так, болгарский ученый Б. Димитров, обращаясь к историческому наследию П. Богдана, особое внимание уделяет истории создания сочинений и их источниковой базы, а также расшифровке и интерпретации документов, проливающих свет на структуру и содержание исчезнувшей "Истории Болгарии" .

Исторические взгляды Б. Клайнера не были предметом специального изучения болгарских и отечественных ученых, однако, некоторые шаги в этом направлении предприняла группа исследователей (И. Дуйчев, К. Телбизов, Р. Заимова, И. Мадяр), подготовившая текст "Архива" к публикациям. Этими авторами были разработаны такие важные для данного диссертационного исследования темы, как историографический метод Б. Клайнера, его источниковая база, а также отмечено значение "Архива" в контексте болгарской православной историографии и европейской исторической мысли. По мнению исследователей, возникновение этого сочинения явилось результатом распространения среди болгар-католиков интереса к истории собственного народа - характерной черты болгарской национальной культуры эпохи Возрождения. При этом указывалось на явную принадлежность этого сочинения к традиции западноевропейской церковной эрудитской историографии (преимущественно сочинения Ц. Барония, Л. Вадингги и др.), подражание которой выражалось у Б. Клайнера не только в композиции и стиле сочинения, но и в отборе исторического материала и способе его представления.

Неизвестная в отечественной и болгарской историографии статья югославского историка Н. Радойчича, целиком посвященная "Истории Сербии" Ф.-К. Пеячевича, до нынешнего момента является единственным исследованием этого памятника . Помимо вопросов источниковой базы этого сочинения и историографического метода Ф.-К. Пеячевича, ученым был поставлен важный для данного диссертационного исследования вопрос о соотношении религиозного и национального самосознания Ф.-К. Пеячевича. По мнению Н. Радойчича, текст исторического сочинения позволяет сделать вывод о самосознании его автора. Он подчеркивает, что первостепенное значение для Ф.-К. Пеячевича имело его католическое вероисповедание, затем его принадлежность к южнославянскому сообществу, в то время как сербская (а не болгарская) этническая

идентичность была менее актуальной. Н. Радойчич затрагивает также вопрос о восприятии исторической концепции Ф.-К. Пеячевича различными аудиториями: "История Сербии" еще в рукописи была знакома лишь образованной части южно- и западнославянской общественности, и, несмотря на двукратное издание, по-видимому, осталась абсолютно неизвестной основному ее адресату - православным сербам. Нелицеприятная критика Римской курии и хорватских сословий на страницах "Истории Сербии" была причиной ее негативной оценки Римом и хорватской общественностью. В целом многие вопросы возникновения и восприятия этого сочинения современниками остаются нерешенными.

Отсутствие детального исследования исторических текстов болгар-католиков, тем не менее, не стало препятствием для формирования в современной болгарской историографии устойчивого взгляда на проблему исторической мысли болгар-католиков в XVII-XVIII вв., который основывался на самых общих представлениях о развитии культуры данной этноконфессиональной группы. Однако сама общая оценка культуры болгар-католиков в XVII-XVIII вв. в болгарской историографии, в свою очередь, не лишена противоречивости: хотя она признается неотъемлемой частью общеполгарской национальной культуры, все же ее характерными чертами называют изолированность и внутреннюю цельность.

Так, по отношению к болгаро-католической литературе XVII-XIX вв. историк и этнограф К. Телбизов предложил термин - "чипровецкая литературная школа", обозначающий совокупность разножанровых произведений болгар-католиков XVII-XVIII вв.: реляции болгаро-католических епископов в Рим (XVII в.), исторические сочинения П. Богдана, исторические и богословские трактаты болгар-католиков в эмиграции (К. Пейкича, Я. и Ф.-К. Пеячевичей, Б. Клайнера), памятники павликианской поэзии XVIII-XIX вв. и др. Все эти разнородные произведения объединяет, по мнению К. Телбизова, "чипровецкий политический и культурный климат". Сочинениям этого направления были присущи такие черты, как использование в произведениях иностранного (латинского или "иллирийского") языка, обособленность от местной православной литературы, явная политическая ангажированность авторов в антиосманской борьбе и др.

В то же время в болгарской историографии укоренилась ещё одна тенденция - поиск аналогий в культурных явлениях и процессах, отмеченных и у православных, и у католиков. Один из таких общих признаков - черты барокко в болгарской православной и католической культуре, присутствие которых одними исследователями (В. Бехиньова) объясняется преемственностью, а другими авторами (К. Станчев) - независимым возникновением.

Парадигма культурной традиции болгар-католиков проецируется исследователями и на характеристику исторической мысли. Так, несмотря на тезис об изолированности этой этноконфессиональной группы, некоторые авторы (В. Бехиньова, Э. Георгиев, П. Динеков, О. Дубовик) отмечают роль болгар-католиков в становлении болгарской национальной исторической мысли. Болгаро-католическая историография рассматривается как целостное и внутренне однородное культурное явление. Например, Б. Димитров считает возможным говорить о единой болгаро-католической историографической традиции, включающей в себя сочинения Ф.-К. Пеячевича, П. Богдана, Б. Клайнера. По мнению Б. Димитрова, общие черты всех этих сочинений - богатая источниковая база, научная беспристрастность, сходные историографические принципы, соответствующие современному им европейскому уровню, а также патриотизм и развитое этническое самосознание авторов.

Анализ литературы об исторических представлениях болгар-католиков XVII-XVIII вв. позволяет выделить ряд характерных черт в изучении этой темы. Во-первых, в качестве источников исследователями использовались исторические сочинения П. Богдана (Бакшева), реляции и корреспонденции ряда болгаро-католических деятелей, а также небольшие опубликованные фрагменты из историко-богословских трактатов болгар-католиков XVIII в: Кр. Пейкича ("Зерцало истины") и Ф.К. Пеячевича ("История Сербии"). Во-вторых, в исторических представлениях болгар-католиков исследователи видели элементы, новой ("барочной") отличной от средневековой, историографической традиции: усиление значимости авторской точки зрения, преодоление средневекового понимания историзма, подчиненного богословско-историческим концепциям, явное проявление национального самосознания, критический подход к источникам. В-третьих, проводились сравнения (самого общего характера) вышеуказанных сочинений с "Историей славяноболгарской" Паисия Хилендарского и трудами представителей сербско-русской школы в Сремских Карловцах (Х. Жефаровича, П. Павловича и др.). В результате был сделан вывод о том, что выявленные у болгар-католиков черты "нового" исторического сознания позже проявились в исторической мысли православных болгар уже в эпоху национального Возрождения.

Рассмотренные тенденции исследования исторической мысли болгар-католиков XVII-XVIII вв. наряду с указанными достижениями демонстрируют отсутствие подробного анализа специфики исторических воззрений болгар-католиков. Недостаточно изученным остается вопрос о роли их исторической мысли в процессах формирования национального самосознания не только болгар-католиков (в эмиграции), но и сербов Австрийской империи, адресатов "Истории Сербии" Ф.-К. Пеячевича.

Хронологические рамки исследования определяются преимущественно временем возникновения исторических сочинений болгар-католиков в XVII-XVIII вв., в эпоху

зарождения и дальнейшего развития болгарской национальной культуры Нового времени. Возросшая именно в этот период популярность исторической проблематики свидетельствовала о важных процессах, протекавших в недрах болгарского общества, - об усилении потребности в самоидентификации на пороге эпохи национального Возрождения.

Методология работы основана на сравнительно-историческом методе, при изучении исторических сочинений православных и католических авторов, а также методе историко-культурной интерпретации, позволяющем выявить характер представлений о "прошлом". Важной для нашей работы стала методология смежных с историей дисциплин (культурной антропологии и этнологии), применяемая при исследовании проблем национального самосознания и национальной идеологии на материалах исторического содержания. Мифологизация собственной истории, актуализирующаяся в переломные моменты существования этнической (или национальной) общности, была характерна и для болгарских и сербских православных авторов (XVIII в.), что было обусловлено и социально-экономическими, культурными и политическими процессами национального Возрождения в целом и формированием национального самосознания. В исторических сочинениях изучаемого периода (прежде всего в трудах Паисия Хилендарского и Йована Раича) отмечено возникновение того набора моделей и топосов, который позже, уже в XIX в., получил дальнейшее развитие и широко использовался в национально-идеологической риторике.

Цель диссертации - исследовать исторические представления болгар-католиков в контексте развития болгарского и сербского национального самосознания. Автор не ставит задачу определить уровень научного исторического знания в болгарской и сербской культуре, что было бы необходимо при проведении традиционного историографического исследования.

В соответствии с целью сформулированы и конкретные задачи исследования:

1) рассмотреть взгляды П. Богдана, Б. Клайнера, Ф.-К. Пеячевича по ряду исторических сюжетов: появление болгар и сербов на Балканах (т. н. тема "обретения родины"), эпоха "золотого века" сербской и болгарской государственности, образ "болгарской (сербской) катастрофы", период османского завоевания. Выбор этих тем обусловлен, с одной стороны, материалом самих источников, а с другой стороны, значимостью именно этих сюжетов для формирования достаточно мифологизированного образа национального прошлого, как неотъемлемой части складывавшегося национального самосознания.

- 2) исследовать представления об истории болгарского и сербского христианства;
- 3) изучить идеологию исторических воззрений, определявшую взгляды на "прошлое";
- 4) проанализировать этнические представления, содержащиеся в исторических сочинениях, что необходимо при рассмотрении механизмов формирования национального самосознания и его отражения в литературных памятниках.

Научная новизна диссертации заключается в постановке исследовательских задач, нацеленных на выявление специфики исторических и этнических представлений болгаро-католических авторов XVII-XVIII вв. С этой целью был проведен сравнительный анализ их исторических сочинений с трудами православных болгарских и сербских историков. Применение междисциплинарных методов изучения этнического самосознания и национальной идеологии позволило расширить рамки исторического исследования и рассмотреть проблему исторических представлений на стыке истории, культурной антропологии и этнологии. Новизна диссертационного исследования связана также с введением в научный оборот нового для отечественной историографии крупного латиноязычного памятника "Истории Сербии" Ф.-К. Пеячевича (XVIII в.).

Практическая значимость работы

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в исследовательской работе при изучении роли исторического сознания в процессе формирования национальной идентичности у славянских народов, в частности, у болгар и сербов в ранний период национального Возрождения, а также при изучении развития униатской (греко-католической) пропаганды среди православных славян. Результаты исследования могут быть привлечены при подготовке общих и специальных курсов по проблемам болгарской и сербской истории и культуры.

Апробация результатов исследования

Положения и выводы диссертационного исследования были отражены в докладах и сообщениях на нескольких научных конференциях: молодых историков-балканистов МГУ "Общества и государства южнославянских народов" (ноябрь 2003 г.), "Государственная традиция и национальное самосознание на Балканах" (ноябрь 2004 г.), "Россия и Балканы: проблема исторического источника" (декабрь 2005 г.), на конференциях Института славяноведения РАН "Идентификация в славянской культуре" (июнь 2006 г.) и "Славяне и их соседи. Раннее средневековье глазами Позднего средневековья и Раннего Нового времени" (май 2006 г.), а также на коллоквиуме, проводившемся кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, "Библия, христианство, национализм в истории Европы. X-XX вв." (декабрь 2006 г.).

Структура работы определена поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложения, содержащего очерк по истории развития униатской пропаганды среди австрийских сербов в XVII-XVIII вв.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность исследования, характеризуется источниковая база и степень изученности темы, формулируются цели, задачи и основные методологические принципы исследования.

Первая глава - "Представления болгар-католиков об истории Болгарии" - посвящена анализу исторических сочинений преимущественно Б. Клайнера и П. Богдана в сравнении с "Славяноболгарской историей" Паисия Хилендарского, "Историей во кратце о болгарском народе словенском" иеросхимонаха Спиридона и "Зографской историей".

В первом параграфе рассматриваются главные этапы развития болгарской исторической мысли в XVII-XVIII вв. в контексте фундаментальных изменений, происходивших в это время в болгарской культуре: переход от средневековой модели к типу культуры эпохи национального Возрождения. В исторических сочинениях, как в наиболее востребованном в тот момент литературном жанре, в первую очередь отразились те изменения общественного сознания, которые в результате привели к формированию болгарского национального самосознания и секулярного мировоззрения. В болгарских исторических сочинениях XVII - первой половины XVIII в. (несмотря на различную проблематику) очевидны проявления оформленного исторического и национального сознания, прошедшего эволюцию от ранних историко-патриотических представлений об "иллирийской" или "христианской" общности к "роду болгарскому",

"народу сербскому" и др. Развитие нового исторического познания связано с появлением "Славяноболгарской истории" Паисия Хилендарского, сочинением, впервые очертившем цели и задачи болгарского политического и духовного движения в национальном Возрождении, и ставшем незаменимой частью болгарской национальной идеологии в эту эпоху. Также в параграфе дается характеристика основополагающих исторических сочинений этого периода, и на этом материале рассматриваются проблемы болгарского барокко и болгарского Просвещения.

Во втором параграфе анализируются представления болгарских католических и православных авторов об основных вехах болгарской истории: "обретении родины" (истории появления болгар на Балканах), "золотом веке" (зарождении и развитии болгарской государственности в средневековье), о "болгарской катастрофе" (о причинах, сути и последствиях турецкого завоевания). Сходные черты между православными и католическими авторами присутствуют в провиденциальной трактовке сюжета о появлении на Балканах праболгар, выступающих как орудие в Божьих руках "на горе грекам", в терминологии болгарской средневековой власти, в понимании сути основных событий средневековой болгарской истории. Также наблюдается некоторое единство и во взглядах на причины установления турецкого господства.

Гораздо ярче видны различия между православными и католическими авторами, выразившиеся в отсутствии у католических историков элементов сакрализации власти, представлений о непрерывности царствующей династии, о сути и последствиях турецкого господства в отношении болгар, а также четких представлений о "золотом веке" Болгарии и внешнеполитических успехах болгарских царей, в преобладании провиденциально-инструменталистской характеристики болгар и их правителей в эпоху раннего средневековья и в индифферентной оценке выдающихся (с точки зрения болгар) исторических фигур и др. Все отмеченные различия фактически можно свести к проявлению меньшей национальной ориентированности Б. Клайнера и П. Богдана, особенно в отношении политической истории Болгарии.

Третий параграф включает в себя анализ взглядов историков на вопросы положения христианской церкви на территории Болгарии до прихода болгар, истории их крещения, миссии Кирилла и Мефодия; автокефальности болгарской церкви и ее отношений с Римом и Константинополем. Значительное разделение между православными и католическими авторами в освещении этой тематики проявляется в разной трактовке общих для всех историков сюжетов (крещение болгар папскими легатами, миссия Кирилла и Мефодия, утверждение о недолгом и незначительном пребывании болгарской церкви под властью Константинополя в 870-917 гг. и др.), обусловленной конфессиональной принадлежностью авторов. Кроме этого был выявлен ряд сюжетов, встречающийся только у авторов-католиков: свидетельства о доболгарских

христианских поселениях на территории Болгарии, подробное описание собора 870 г., на котором решался спорный вопрос между Римом и Константинополем о юрисдикции Болгарского диоцеза, упоминания об унии Калояна, а также рассказ о деятельности болгарской францисканской миссии и преодолении ею ереси павликианства.

Среди самих католических авторов отсутствует единство в представлениях об истории болгарской церкви. Особенно выделяется оригинальная позиция Ф.-К. Пеячевича. В стремлении подчеркнуть факт раннего существования независимой болгарской церкви он схож с Паисием Хилендарским - автором исторического сочинения с явным национальным посылом. Но если, по мнению Паисия, рубежом явилось установление тырновского патриархата в нач. X в., то для Ф.-К. Пеячевича - это учреждение независимой от греков, но подчиненной Риму Охридской "патриархии" (883 г.), возглавляемой национальным болгарским святым Климентом Охридским. Единство наблюдается также и в трактовке образа Феофилакта Охридского, как "хранителя болгарской церкви" от греческого влияния. Это сходство взглядов объясняется, однако, не общей историографической традицией и не идеологическими установками авторов (болгароцентризм Паисия несовместим с католикоцентризмом Ф. К. Пеячевича), а способами представления материала. В общих чертах, отмеченных у обоих авторов, нетрудно усмотреть распространенные приемы мифологизации истории: актуализацию значимых для данной культуры образов и персонажей в непривычной исторической ситуации (Климент Охридский - глава "римской" болгарской церкви), "удревнение" институтов общенациональной значимости ("древняя" болгарская патриархия), отрицание длительного "вражеского" влияния (в данном случае Константинопольской патриархии на болгарскую церковь) и, наконец, признание необходимости изменения сложившейся ситуации. При этом суть этого изменения каждый понимает по-своему: для Ф.-К. Пеячевича - это возвращение болгарской церкви к Апостольскому престолу, а для Паисия - создание собственной, "негреческой" церкви.

В четвертом параграфе рассматривается идеология исторических представлений болгар-католиков в сравнении с аналогичными взглядами православных болгар. Изучение данной темы имеет непосредственное отношение к процессам формирования общественного, в том числе и национального, сознания с точки зрения восприятия аудиторией исторического труда, которое зависит от "правильного", т. е. адекватного сознанию и желания публики, построения исторического повествования и способа подачи исторических фактов. Изучение идеологии исторических воззрений дает дополнительную информацию о том, как и по каким причинам было воспринято то или иное историческое сочинение. В параграфе были рассмотрены взгляды авторов сочинений на общественное значение их труда, взаимоотношения с читателем, их отношение к предшественникам и национальным историографическим традициям и др. Был сделан вывод о том, что основное различие между авторами в отношении идеологии исторических воззрений проходит не по конфессиональному признаку, а объясняется влиянием определенных традиций исторического повествования. Склонность

православных авторов и частично П. Богдана именно к "этно-мифологическому" направлению контрастирует с четко проявляющейся "эрудитской" направленностью "Истории Болгарии" Б. Клайнера, не позволяющей создать цельную привлекательную для читателя картину прошлого болгарского народа.

В пятом параграфе были выявлены этнографические представления болгарских католических и православных историков (рассматривается проблема критериев болгарской идентичности), а также этнический автостереотип, и представления о соседних этносах (сербах, греках, турках, русских). В результате констатируется существенное преобладание этнической проблематики в болгарских православных сочинениях на фоне почти полного ее отсутствия в сочинениях болгар-католиков. Проявление болгароцентристской позиции по ряду вопросов в сочинениях Спиридона и Паисия контрастирует с индифферентностью в этом отношении католических авторов. Совпадение позиций православных и католиков (негативный стереотип "грека" и "руса", некоторые черты болгарского характера и др.), объясняющееся влиянием единого корпуса источников, второстепенны в сравнении с различиями в наиболее значимых моментах - (в представлении о "болгарском роде", о славянском происхождении болгар, в употреблении этнонима, в трактовке образа этнического антагониста. Проведенный анализ не дает возможности говорить о единстве этнических представлений православных и католических историков и свидетельствует о более развитом этническом самосознании болгарских православных авторов.

Во второй главе - "Представления болгар-католиков об истории Сербии" - анализируется сочинение Ф.-К. Пеячевича "История Сербии" в сравнении с "Летописью Бранковича" и трудами сербских историков XVIII в. Й. Раича, П. Юлинаца, С. Пишчевича, Иосифа Трношского и др.

Задача первого параграфа - представить развитие сербской исторической мысли в XVIII в. и охарактеризовать исторические сочинения, посвященные сербской истории, как сербского, так и иностранного происхождения, известные в сербской среде и оказавшие на ее самосознание значительное влияние. Актуальность исторических произведений в XVIII в., в переходный период в развитии общественного сознания и культуры в целом, объясняется особой ситуацией, в которой оказались как австрийские, так и турецкие сербы. Существование в иной национальной и религиозной среде актуализировало их самоидентификацию, основывающуюся на представлениях о прошлом государства и народа. Кроме того, исторические доводы являлись весомым аргументом в защите сербами собственных прав и привилегий в Австрийской империи. Так историческое сознание австрийских сербов в XVIII веке стало основой для формирования национальной идентичности.

Во втором параграфе представлен образ прошлого сербского государства, возникающего при рассмотрении трех тем: "обретение родины", "золотой век", "сербская катастрофа". Было отмечено, что, несмотря на значительное совпадение позиций Ф.-К. Пеячевича и православных сербских историков при отборе и трактовке исторических фактов, основное различие - это концепция "Истории Сербии", идея абсолютной принадлежности сербских правителей (Неманичей и деспотов) к Римской церкви. Формальный характер представленной историком аргументации отличается явной "атянностью": Ф.-К. Пеячевич ошибочно полагает, что "католичность" правителя демонстрируют такие факты, как принятие короны от папы римского, переписка с ним, женитьба на католичке, отношение католиков к сербскому правителю как к "брату по вере", внешнеполитические соглашения сербского правителя с неким союзником-католиком.

Однако более принципиальным отличием Ф.-К. Пеячевича от сербских православных историков является его меньшая национальная ангажированность как историка, проявляющаяся в трактовке ключевых концептов этнонационалистической версии прошлого: темы расширения территории сербского государства, образов правителей и "национальных героев" Сербии. В отличие от православных авторов, Ф.-К. Пеячевич, описывает перечисленные моменты подчеркнуто безэмоционально, формально, избегая однозначных оценок, в индифферентно-небрежном тоне.

В третьем параграфе были рассмотрены некоторые актуальные для Ф.-К. Пеячевича и сербских православных историков сюжеты: крещение сербов, образ св. Саввы и представления об отношениях сербской церкви с Римом и Константинополем.

В большинстве случаев в сути и трактовке излагаемых событий разногласия не отмечались: объем и смысл информации - одинаковы, представления о враждебности Константинопольской патриархии и ценности сербской независимой церкви также характерны для всех авторов. Основное различие между православными и католическими авторами состоит в отношении к Римской курии и ее деятельности в Сербии (в частности, спор о рукоположении св. Саввы и его отношениях с Римом). У сербских авторов, несмотря на ощущение враждебности католической церкви, она все же остается в сербской истории антагонистом второго плана (на первом месте - Константинополь). А в "Истории Сербии" рисуется иной образ Рима, настроенного по отношению к сербам доброжелательно и благосклонно.

Анализ "Истории Сербии" показал, что историк-иезуит в аргументации своей концепции ("все сербские правители - католики") опирался на важные элементы исторического и общественного сознания австрийских сербов: концепт традиции, актуализирующийся в обществах на переходном этапе развития и культ государственно-политической истории Сербии, связанной с династией Неманичей.

В четвертом параграфе в результате анализа идеологии исторических воззрений Ф.-К. Пеячевича и сербских православных историков делается вывод о специфическом характере "Истории Сербии" в этом аспекте. Наряду с доминированием эрудитской церковной традиции, в трактате присутствуют значительные элементы "этно-мифологического" историописания, которые и позволили автору создать конфессионально-ангажированное произведение, призванное влиять на сербское общественное сознание. Однако половинчатое следование этим канонам отрицательно сказалось на восприятии сочинения его адресатом: латинский язык, большой объем, перегруженность текста цитатами - все эти черты эрудитских исторических текстов - оттолкнули потенциального читателя.

Основную часть пятого параграфа составляет анализ этнографических представлений (вопрос о критериях сербской этнической идентичности) и этнических стереотипов сербов, болгар, русских, турок, венгров и греков. В результате констатируется меньшая национальная ориентированность "Истории Сербии" в сравнении с сочинениями православных историков (особенно Й. Раича), что проявилось, в первую очередь, в этнических характеристиках сербского и соседних народов. Одновременно с этим для Ф.-К. Пеячевича чрезвычайно актуальны были представления о южнославянской общности, в основе которой, по его мнению, находилось не этническое родство (как считают православные сербы), а "общая историческая судьба", проявившаяся, в частности, в единой изначальной принадлежности болгар, сербов и хорватов к католической церкви. Отмеченная особенность взглядов историка-иезуита соответствует специфике развития хорватского этнического самосознания в конце XVIII в., начавшего свое развитие в рамках идей югославизма. Однако отсутствие в тексте Ф.-К. Пеячевича идеологических постулатов иллиризма и панхорватизма не позволяет полностью причислить авторов к хорватской элите, формировавшей идейную основу для хорватского национального объединения.

В Заключении подведены основные итоги исследования и сформулированы положения, выносимые на защиту.

Отмечается слабая выраженность этнического/национального концепта

болгарами-католиками в трактовке сюжетов болгарского и сербского прошлого в сравнении с представлениями болгарских и сербских авторов. Эта тенденция особенно отчетливо проявляется в отсутствии ярких этнических стереотипов, в формальном и "бледном" рассмотрении таких важных для этнонационалистической версии прошлого вопросов, как представление о славянской прародине и территориальном расширении сербского и болгарского средневекового государства и др.

При сравнении взглядов болгар-католиков между собой очевидно принципиальное отличие позиции Ф.-К. Пеячевича. Его трактат "История Сербии" содержит значительное количество элементов этнонационалистической версии прошлого, что сближает его с сочинениями Паисия и Й. Раича, авторами произведений, оказавших огромное влияние на формирование национального самосознания болгарского и сербского народов. Указанная особенность сочинения Ф.-К. Пеячевича находит свое отражение, во-первых, в представлении четкой мифологической канвы исторического повествования "золотой век" - "национальная катастрофа" - современное положение. Во-вторых - в созданной им оригинальной концепции исторического развития болгарского и сербского христианства в средние века с четкой и однозначной оценкой событий и ярко выраженным конъюнктурным характером. Кроме этого, близость сочинения историка-иезуита к трудам православных авторов выражается и в способах подачи исторического материала (гипотетические построения, "удревнение" институтов национального значения, особенности композиции и др.). В-четвертых, присутствие в тексте "Истории Сербии" более или менее определенных представлений об этнодифференцирующих признаках (язык, обычай и др.), а также проявление симпатии к сербам и южным славянам в целом (что особенно отличает его от трудов П. Богдана и Б. Клайнера, не раз дававших отрицательные характеристики "болгарам") также свидетельствуют о присутствии в мировоззрении Ф.-К. Пеячевича этнического концепта.

Анализ "Истории Сербии" подводит к выводу о том, что это сочинение по замыслу автора должно было сыграть определяющую роль в возникновении и развитии сербо-католического сообщества, в этническом самосознании которого конфессиональный и этнический компоненты находились бы в тесной взаимосвязи, подобно тому, как это было в сознании православных сербов в XVII-XVIII вв. Попытка Ф.-К. Пеячевича "создать" некий этноконфессиональный общественный организм, путем предъявления ему "собственной" истории, рассказывающей о его сербо-католическом "славном прошлом" сближает автора с "будителями" эпохи национального Возрождения. На данный момент можно говорить о провале этого проекта Ф.-К. Пеячевича, причины чего кроются не только в труднодоступности "Истории Сербии" для широкой читательской аудитории (латинский язык сочинения, его огромный объем и т. д.), но и в несвоевременности самого издания. Написанный в 1775-1776 гг., в период общественных брожений и неопределенности дальнейшего политического и этнокультурного существования австрийских сербов, трактат Ф.-К. Пеячевича был опубликован гораздо позже, в самом конце XVIII в., уже по вступлении в

действие "Декларатория" (1779 г.), патента о веротерпимости (1781 г.) и проведения Темишварского собора (1790 г.), определивших доминанты дальнейшего развития сербского общества (курс на более активное внедрение и инкорпорацию сербов в политическую, экономическую и культурную систему Австрийской империи, постепенный отход конфессиональной составляющей в самоопределении сербов на второе место). Неадекватность "Истории Сербии" новому повороту в судьбе австрийских сербов, естественно, сказались и на восприятии сочинения основным адресатом - равнодушное молчание. Тем не менее, трактат Ф.-К. Пеячевича, безусловно, является важным памятником общественного сознания австрийских сербов второй половины XVIII в.

Отсутствие интереса Ф.-К. Пеячевича, потомка болгар-католиков, к истории "своего" народа, признаки его сербской идентичности, незнание реалий существования болгаро-католической церкви в XVII-XVIII вв. - все это свидетельствует о процессе быстрой ассимиляции потомков болгар-католиков, проживавших вне диаспоры, вне своего этноконфессионального сообщества.

Иная ситуация сложилась в среде болгар-католиков, бежавших в Трансильванию, Банат и Валахию. В качестве предварительной гипотезы в диссертации выдвигается следующая картина развития этнического сознания болгар-католиков. Во время пребывания в Болгарии собственно этнический компонент болгаро-католической материальной и духовной культуры, по-видимому, находился в неразвитом, подавленном состоянии (в значительной степени по причине культурной изолированности болгар-католиков от основного массива этнического сообщества). В этой связи в очередной раз следует подчеркнуть слабую выраженность этнического концепта в исторических представлениях софийского епископа XVII в. П. Богдана.

Однако после Чипровецкого восстания находившиеся в эмиграции болгары-католики оказались уже не в иноконфессиональном (православном), но в католическом окружении, а также в сфере влияния южнославянской католической культуры, что в условиях диаспоры способствовало актуализации их этнической идентичности. Немаловажное значение в этом процессе сыграли привилегии, данные Габсбургами переселенцам ("*communitas Bulgarorum...*", "*natio bulgara*"), не только создавшие благоприятные для них социально-экономические условия, но и поддерживавшие их групповое самосознание, в котором собственно этнический компонент выходит на первый план и становится основой сохранения данной общности вне Болгарии вплоть до XX в. Проявлением этой тенденции следует считать возникновение нескольких исторических трудов в этой среде, в том числе и "Истории Болгарии" Б. Клайнера, чьими читателями впервые в исторической мысли болгар-католиков стали сами болгары-католики (скорее всего элита этой общности).

Меньшая по сравнению с православными авторами, но большая по сравнению с П. Богданом, национальная ориентированность самого текста "Истории Болгарии" объясняется рядом причин: начальным этапом развития собственно болгарского самосознания болгаро-католической общности в эмиграции, а также законами и особенностями эрудитской церковной историографии, служившей примером для подражания Б. Клайнеру. Кроме этого, важно подчеркнуть, что "История Болгарии" являлась органичной частью составного труда "Архива" Болгарской францисканской кустодии, повествующего об истории францисканства на территории Болгарии и Валахии и адресованного, в конце концов, именно Римской курии.

Таким образом, проведенный анализ исторических представлений болгар-католиков не подтверждает общепринятое в болгарской историографии мнение о высоком уровне национального самосознания у представителей болгаро-католической интеллигенции в XVII-XVIII вв.

Вывод о разнородности исторических сочинений болгар-католиков ставит под сомнение тезис болгарской историографии об единой "чиповецкой литературной школе" и целостном характере культуры болгар-католиков в эмиграции, чье развитие в действительности в значительной степени было ограничено рамками католического универсализма, еще сохранявшего в XV в. свои активные позиции.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

По "Перечню ведущих рецензируемых научных журналов и изданий" ВАК РФ:

1. В поисках своего прошлого: исторические представления болгар-католиков XVIII в. // Славяноведение. 2007. № 5. С. 90-102.
2. "История Сербии" Ф.-К. Пеячевича в контексте формирования национального самосознания у австрийских сербов в конце XVIII в. // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в Новое и Новейшее время. Сборник научных трудов. Воронеж, 2005. С. 131-137.
3. "История Сербии" Франциска Ксаверия Пеячевича в общественной жизни и церковной истории сербского населения монархии Габсбургов в XVIII в. // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2006. С. 42-58.
4. Этноним Серблы/Servi в исторических сочинениях австрийских сербов второй половины XVIII в. // Культура сквозь призму идентичности. М. "Индрик". 2006. С. 118-125.
5. Образ Кирилла и Мефодия в исторической мысли южных славян-католиков (XVII в.) //

Раннее средневековье глазами позднего и раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). М., 2006. С. 96-97.

Ссылки:

1. Дуйчев И. Прояви на народностно самосъзнание у нас през 17 в. // Македонски преглед, 1942. Кн. 2. С. 26-52; Георгиева Ц. Содержание и функции этнонима "болгары" в условиях османского владычества // Bulgarian Historical Review, 1983, № 2. С. 52; Вечева Е. Българската католическа интелигенция през XVII в. // 300 години Чипровско въстание. София, 1988. С. 126; Вечева Е. Католическата църква и българската народност XVI-XVIII вв. // България 1300. Институции и държавна традиция. Т. II. София, 1988. С. 436; Радкова Р. Националното самосъзнание на българите през XVIII и XIX век // Българската нация през Възраждането. Т. II. София, 1989. С. 188-192; Макарова И.Ф. Болгарский народ в XV-XVIII вв. М., 2005. С. 161.

2. Дуйчев И. Софийската католическа архиепископия през XVIII в. София, 1939; Он же. Два исторически опита на архиепископа П. Богдана Бакшева // Родина, 1939. Ч. I. Кн. 3. С. 162-163.

3. Документи за католическата дейност в България през 17 в. София, 1993.

4. Клайнер Б. История на България от 1761 г. София, 1977; Клайнер Б. Хрониката на българското францисканство (XIV-XVIII вв.) София, 1999.

5. Franc. Xav. Pejacsevich. Historia Serviae seu colloquia XIII de Statu Regni et religionis Serviae ab exordio ad finem sive a saeculo VII ad XV. Colocae MDCCXCIX.

6. Пейчев Б. Съчиненията на Пеячевичи и Кр. Пейкич // Чипровци. 1688-1968. София, 1971. С. 101-104.

7. Radojic N. Istorija Srbije Franje Ksavera barona Pejazevisa // Razprave znanstveno drustva za humanisticne vede. Ljubljana, 1930. № 5-6. P. 253-301.

8. Антология на българската философска мисъл. София, 1973. Т. 1. С. 13-150; История на философската мисъл в България. Т. 1. София, 1970; Пейчев Б. Съчиненията... С. 101-104.

9. Паисий Хилендарски. Славянобългарска история. София, 1981; Спиридон. История во кратце о болгарском народе славенском. Стъкми за издание В. Златарски. София, 1900; Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1970; Раји? Ј. Историја разних славенских народова наипаче болгар, хорватова и сербов. Виена, 1794, 1795. Ч. I-IV; Шафарик Я. Србскиј летописац из почетка XVI-г. столетия // Гласник друштва србске словесности. Св. V. Београд, 1853; Јулинац П. Краткоје введеније в историју происхождения славенеосербского народа. Београд, 1981; Новаковић Р. Бранковићев Летопис. Београд, 1960. Посебна издања САН. Књ. СССXXXIX. Одељење друштвених наука. Књ. 35.

10. Димитров Б. Петър Богдан Бакшев: български политик и историк от XVII в. София, 1985.

11. Radojic N. Istorija Srbije Franje Ksavera barona Pejasevica // Razprave znanstveno drustva za humanisticne vede. Ljubljana, 1930. № 5-6. P. 253-301.

12. Телбизов К. Чипровската книжовна школа (Обзорен библиографски опис) // Литературна мисъл. София, 1981. № 6. С. 121-127.

13. Бехиньова В. Барокът и литературата на българските католици // Литературна мисъл. София, 1975. № 2. С. 84, 97.

14. Станчев К. Литературата на българите-католици през 17-18 в. // Литературна мисъл,

1981, № 3. С. 5, 10.

15. История на философската мисъл...С. 119; Георгиев Е. Австрия и проблемата за барока в българската литература // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien, 1972. № 17. P. 86; Бехиньова В. Барокови черти на българската възрожденска историография // Литературна мисъл. София, 1969. № 3. С. 119; Бехиньова В. Барокът ... С. 83-84; Дубовик О.А. Развитие исторической мысли в Болгарии в XVII-XVIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1992. С. 9, 17; Георгиев Е. Българската литература в общоевропейския контекст. София, 1984, С. 139; Георгиев Е. Барок в българската литература // Литературна мисъл. София, 1971. № 6, С. 47;

16. Динеков П. Българската литература през XVII в. // Литературна история. 1977, № 1. С. 8, 14.

17. Dimitrov B. La storiografia cattolica bulgara nei secc.XVI-XVIII // Relazioni storiche e culturali fra Italia e la Bulgaria. Napoli, 1982. P 199-200.

18. Шнирельман В.А. Мифы диаспоры // Диаспоры. М., 1999, № 2-3. С. 6-33; Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Московский центр Карнеги. Вып. 3. М., 2000. С. 12-33; Smith A. The Golden Age and National Revival // Myths and Nationhood. L., 1997. P. 36-59. Makolkin A. Name, Heroe, Icon. Semiotics of Nationalism through Heroic Biography. N.Y., 1992; Cultural Memory and the Construction of Identity. Wayne. 1999; Myth and Memory in the Construction of Community. N.Y., 2002.

19. Термин введен Дж. Броджи-Беркофф для характеристики направления в западноевропейской и славянской историографии XVI-XVIII вв. // Brogi-Bercoff G. ?historiographie croate du XVII siecle: de? opus oratorium a la recherche documentaire // Barocco in Italia e nes paesi slavi del Sud. Firenze, 1983.; Броджи-Беркофф Дж. "История во кратце" иеросхимонаха Спиридона: опыт исследования в контексте европейской историографии XVII в. // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Вып. 6. М., 1996. и др. работы этого же автора.